

The background of the entire image is a complex, abstract pattern of bright blue and white streaks. These streaks radiate from a central point, creating a starburst or explosion-like effect. The streaks vary in length and thickness, giving a sense of depth and movement. The overall color palette is dominated by cool blues and bright whites, with some darker blue areas providing contrast.

Иван Степаненко

13 Лет До Цели

Иван Степаненко

13 Лет До Цели

<https://litres.ru/74348168>

SelfPub; 2026

Аннотация

Научная фантастику о путишествие команды людей до звезды Архаиды путь до которой от земли занимает Пятьсот Восемьдесят Три года

Содержание

Тринадцать Лет До Архаиды	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Иван Степаненко

13 Лет До Цели

Тринадцать Лет До Архаиды

В рубке "Александра Невского" пахло озоном, машинным маслом и старыми носками. Этот запах Слава Рыжко любил больше любых духов. Он въелся в пластик кресел, в резиновые уплотнители люков и в самую обшивку стен, покрытую матовой серой краской, которую не обновляли уже лет сто, если не больше. Корабль был старым. Он был древним. Но это была родная, уютная древность. Слава сидел в своем кресле главного механика, пристегнутый широкими кожаными ремнями к спинке, и тупо пялился на главный навигационный экран. Экран был здоровенный, но допотопный – сантиметров сорок толщины, с мерцающей сеткой координат и тяжелым, почти осязаемым свечением люминофорных трубок. Никаких тебе голограмм, никаких пластиковых сенсоров. В 2149 году, когда эту махину собирали на орбитальных верфях Земли, инженеры еще верили в надежность. И они были правы. Корабль летел уже пятьсот семьдесят лет, и большая часть его начинки работала как часы.

В центре экрана висела точка. Желто-белая, спокойная, чуть теплая. Архаида. До нее оставалось всего тринадцать

лет пути. Тринадцать лет из пятисот восьмидесяти трех. Смешная цифра. Как говорил старый капитан Зимин, которого Слава помнил еще по первому своему циклу бодрствования лет тридцать назад: "Тринадцать лет – это просто отпук, Слава. От силы два раза поспать в криокамере".

Слава потер шею. После пробуждения из анабиоза всегда ломило суставы. Он щелкнул тумблером, выводя на боковой монитор показатели термоядерного сердечника. Его глаза, еще затуманенные гибернационным гелем, скользнули по строчкам данных. И в ту же секунду все внутри него похолодело. Цифры скакнули. Потом еще раз. Программа автоматической диагностики выдала на экран красный, жирный текст, такой же старомодный, как и сам корабль: "АВАРИЯ СИСТЕМЫ АТОМНОЙ РЕАКТИВАЦИИ. НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ РАСХОД ТОПЛИВА. УРОВЕНЬ ЗАПАСОВ: КРИТИЧЕСКИЙ (18.7% ОТ РАСЧЕТНОГО)".

Слава моргнул. Он прочитал это еще раз. Потом третий. – Твою же мать... – прошептал он. Голос был хриплым, как наждак, потому что он не говорил почти шесть лет – именно столько длился последний цикл их анабиоза.

Он ударил ладонью по аварийной кнопке. Где-то в недрах корабля завывала сирена, но звук был каким-то задушенным, сдавленным – система сэкономила энергию.

Из смежного отсека, зевая и чертыхаясь, начали выполнять люди. Первым появился старший помощник капитана Гнездов. Высокий, сутулый мужик с вечно недовольной фи-

зиономией и копной седых волос, торчащих в разные стороны. Он был одет в старую фланелевую рубашку, которую, кажется, носил еще его прадед, и мятые штаны.

– Рыжко, ты охренел? – прохрипел Гнездов, спотыкаясь о порог. – Я только-только в сон начал проваливаться, такая темень была, такой кайф...

– Заткнись и смотри, – перебил его Слава, ткнув пальцем в экран.

Гнездов подошел, прищурился. Его лицо вытянулось. Он открыл рот, закрыл, потом выдавил из себя:

– А если я сейчас не проснулся? Если это сон?

– Тогда давай спать дальше, – огрызнулся Слава. – Но если это сон, почему у нас восемнадцать процентов топлива вместо положенных пятидесяти?

Подтянулись остальные. Инженер связи Коля, вечно взъерошенный парень с мешками под глазами – он, кстати, страдал бессонницей, поэтому в анабиозе его держали на специальных препаратах, от которых у него дергался глаз. Медсестра Аня, высокая брюнетка с белыми прядями в волосах – она всегда выглядела старше своих лет, потому что каждая разморозка добавляла ей морщин. И пилот Кристина, самая молодая, но уже с глубокими складками у губ. На вид ей было двадцать пять, но фактически, с учетом всех циклов анабиоза и бодрствования, ей было чуть за сорок.

– Ну, что у нас, мальчики? – спросила Кристина, зевнув и потянувшись. – Снова крысы в реакторе?

– Хуже, – сказал Слава. – САТР сожрала топливо.

Он развернул монитор так, чтобы всем было видно. На экране горела схема Системы Атомной Реактивации – огромного узла, который занимал целый отсек в средней части корабля. Эта установка была сердцем "Александра Невского". Ее задача заключалась в том, чтобы перерабатывать отработанное топливо термоядерного реактора обратно в активное состояние, замыкая цикл. Без САТР корабль мог работать на одном заряде лет пятьдесят, не больше. Но с ней – теоретически – ресурса хватало на все пятьсот восемьдесят три года пути. Вот только у системы была одна проблема: в режиме гибернации, когда экипаж спал, а большинство бортовых систем переходило в фоновый режим, САТР продолжала жрать энергию. Она делала это медленно, почти незаметно, как ржавчина, разъедающая металл. Годы шли, циклы сменяли друг друга, и установка, подчиняясь своему алгоритму, потихоньку перемалывала запасы топлива, пытаясь поддерживать реактор в идеальном состоянии. Сейчас же, судя по показаниям, она сожрала почти две трети от того, что должно было остаться. И сделала это, пока они спали.

– С ума сойти, – выдохнул Гнездов, уставившись на схему. – Она же должна была отключаться вместе с основным реактором!

– Должна была, – кивнул Слава. – Но не отключилась. Где-то сбой в цепи управления. Может, радиация выжгла блок, может, просто старость. Ей уже четыреста пятьдесят

лет, Гнездов. Она старше, чем вся наша команда, вместе взятая.

Коля уже сидел за своим пультом, быстро перебирая тумблеры и включая связь. Лампа над его головой зажглась красным, потом оранжевым, потом моргнула и погасла совсем.

– Глухо, – сказал он, не поворачивая головы. – Полный ноль. Нет ни Земли, ни базы в Андромеде, ни даже ретрансляторов на поясе Койпера. Мы в глубокой жопе, парни. Мы как в колодце сидим.

– Как это глухо? – не понял Гнездов. – У нас же еще в прошлый раз связь была?

– Была, – кивнул Коля. – Пятьсот пятьдесят семь лет назад, когда мы стартовали. А потом начались помехи от звездного ветра, потом мы пересекли облако Оорта, потом еще эта аномальная зона... Мы летим черт-те где, командир. Сигналу до нас идти десятилетиями. Нас никто не слышит, и мы никого не слышим.

Повисла мертвая тишина. Слышно было, как вентиляция шелестит старыми фильтрами. Слышно было, как где-то в корпусе стонет металл, сжимаясь и расширяясь от перепадов температур. Слышно было, как тикают старые механические часы на стене – их зачем-то повесили еще строители в 2149 году, и они до сих пор шли.

– По регламенту, – подал голос Гнездов, и голос его звучал официально, жестко, как приговор. – В случае потери связи и критического снижения топлива, экипаж обязан произ-

вести разворот и следовать к ближайшей точке предполагаемого контакта.

– Сколько времени уйдет на разворот? – спросила Кристина, хотя, кажется, уже знала ответ.

– Восемьдесят четыре дня, – сухо сказал Слава. – Восемьдесят четыре дня мы будем гасить скорость, разворачивать эту полуторакилометровую дуру и снова разгоняться в обратном направлении. Потом еще столько же – до точки, откуда еще можно поймать сигнал. Итого сто шестьдесят восемь дней. Это почти полгода.

– Ну, полгода – не срок, – пожал плечами Коля. – Мы и не такие циклы отбывали.

– Ты не понял, – Слава посмотрел на него тяжелым, уставшим взглядом. – Если мы развернемся, мы сожрем остатки топлива на этот маневр. Мы выйдем в точку ожидания, но у нас не останется энергии на повторный разгон. Мы просто повиснем там. Мертвым грузом. Связи нет, топлива нет, помощи ждать неоткуда. Мы превратимся в ледяную глыбу через полгода. А если мы продолжим лететь к Архаиде, то через тринадцать лет мы долетим до нее, но не сможем затормозить. Потому что топлива нет. Мы проскочим мимо или войдем в атмосферу на скорости и размажем эту посудину по поверхности. Как муху о стекло.

– Значит, нам конец? – тихо спросила Аня.

– Нет, – сказал Слава. – Есть третий вариант. Самый правильный. Мы не разворачиваемся. Мы продолжаем лететь

к Архаиде. Мы отключаем САТР, переходим на аварийный режим энергосбережения и не ложимся обратно в анабиоз. Вообще. Мы будем бодрствовать все тринадцать лет, которые остались до цели.

В рубке повисла такая тишина, что стало слышно, как гудит трансформатор за панелью.

– Тринадцать лет? – переспросил Гнездов. – Без анабиоза? Ты понимаешь, что мы состаримся на тринадцать лет? Это не шутки, Рыжко. У нас есть запасы только на десять лет активной жизни. Еды, воды, воздуха.

– Мы урежем пайки, – спокойно ответил Слава. – Перейдем на минимальное потребление. Отключим все второстепенное. Искусственную гравитацию оставим только в жилых отсеках и то на половину. Обогрев – только в рубке и каютах. Свет – по минимуму. САТР мы отключаем полностью, она больше не нужна, потому что мы не разгоняемся, а просто летим по инерции. Реактор переводим в спящий режим, оставляем только системы жизнеобеспечения. Мы протянем. Тринадцать лет – это не вечность.

– А если что-то сломается? – спросила Кристина. – Если какой-нибудь узел откажет? Мы будем на ходу, без анабиоза, это хорошо – мы сможем чинить. Но если мы отключим САТР, мы потеряем возможность перерабатывать отработавшее топливо. Реактор будет работать только на остатках. А если он встанет?

– Если он встанет, – сказал Слава, глядя ей прямо в глаза,

– мы умрем. Но он не встанет. Я знаю эту старую железяку. Я с ней работаю уже три цикла бодрствования, это в сумме почти сорок лет. Она выдержит. Мы выдержим. Мы будем следить за ней вручную, каждую минуту. Никаких автоматических режимов, никаких спящих систем. Мы – ее глаза и руки. Мы доведем этот корабль до Архаиды. Даже если для этого придется не спать тринадцать лет.

Гнездов хмыкнул и покачал головой.

– А связь? – спросил он. – Мы так и будем лететь в тишине? Без Земли, без Андромеды?

– Связь нам не нужна, – ответил Слава. – Мы не ждем помощи. Мы сами себе помощь. Мы не знаем, что случилось с САТР, почему она сожрала топливо. Может, сбой, может, чей-то саботаж, может, просто старость. Но теперь мы не спим. Мы будем видеть каждый миг. Мы будем знать, что происходит с нашим кораблем. И когда через тринадцать лет мы подлетим к Архаиде, мы будем готовы. Мы сэкономим топливо, мы затормозим, и мы войдем в систему. Мы сделаем это. Потому что мы уже пролетели пятьсот семьдесят лет. Тринадцать – это просто финишная прямая.

Он повернулся к главному пульту и положил руки на рычаги управления САТР.

– Я отключаю ее, – сказал он. – Навсегда.

– Подожди, – остановил его Гнездов. – А если мы ошибемся? Если без САТР реактор начнет глохнуть?

– Тогда мы будем сидеть в темноте и холоде, – усмехнулся

Слава. – Но лучше сидеть в темноте и холоде тринадцать лет, чем сдохнуть через полгода в пустоте. Верно?

Он повернул рычаг. Где-то глубоко в недрах корабля что-то щелкнуло, застонало, и гул, который сопровождал "Александр Невский" все пятьсот семьдесят лет полета, вдруг стал тише. Намного тише. Система атомной реактивации уходила в вечный сон. Вместе с ней уходила и привычная мощь реактора. Лампы в рубке моргнули и стали тусклее. Вентиляция зашелестела тише. За бортом, в черноте космоса, ничего не изменилось, но внутри корабля что-то неуловимо переменялось. Теперь они были одни. Без подпитки, без запаса прочности. Только они и тринадцать лет до цели.

– Все, – сказал Слава, выдохнув и откинувшись на спинку кресла. – Решение принято. Мы летим к Архаиде. И мы не спим.

Кристина подошла к навигационному экрану и посмотрела на желто-белую точку в центре.

– Тринадцать лет, – тихо сказала она. – Мы будем смотреть, как она приближается. Каждый день, каждый час.

– Именно так, – кивнул Слава. – Мы будем смотреть на нее и знать, что когда-то наши предки запустили этот корабль. Что они верили в нас. Мы не имеем права подвести их. Даже если это будет стоить нам тринадцати лет жизни. Даже если мы состаримся и поседеем. Архаида ждала нас пятьсот семьдесят лет. Она подождет еще тринадцать.

Он посмотрел на панель перед собой, на табличку, кото-

рая висела тут с 2149 года: "Корабль-ковчег Александр Невский. Построен на орбитальной верфи Звезда, Земля. 2149 год. Цель: звезда Архаида. Время в пути: 583 года. Береги корабль, он у тебя один".

– Ну что, старуха, – прошептал Слава, поглаживая холодный металл. – Еще тринадцать лет. Потерпи. Мы почти прилетели.

За бортом, в бесконечной черноте космоса, горела цель, к которой они стремились больше полутысячи лет. Впереди было тринадцать лет бодрствования, тринадцать лет работы, тринадцать лет надежды. И ни одного дня анабиоза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.